

Т.Н. ВЯТЧАНИНА, С.Б. КУЛИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПАРАДИГМЫ И СТРАТЕГИИ*

Статья посвящена аналитике эволюции подходов к проблеме сохранения архитектурного наследия в России под влиянием государственных политических и социально-экономических перемен в последние 30 лет. Из наиболее инновационных методов избирается *комплексный подход*, сформировавшийся в 2010-х гг. Наследие соответственно его главной парадигме — это не только экспозиция артефактов, но и культурный капитал, фактор устойчивого развития локуса. Рассматривается на примере крупных историко-архитектурных комплексов, принадлежащих к разным видам архитектурного наследия, и нового вида реставрационной документации, возникшего в лоне этого подхода — Концепций сохранения наследия.

Ключевые слова: сохранение архитектурного наследия, культурный капитал, методология, концепция, Россия.

T.N. VYATCHANINA, S.B. KULIKOV

ON THE PROBLEM OF MODERN METHODOLOGY FOR PRESERVING ARCHITECTURAL HERITAGE: PARADIGMS AND STRATEGIES

The article analyzes the evolution of approaches to the problem of preserving architectural heritage in Russia under the influence of state political and socio-economic changes in the last 30 years. Among the most innovative methods, the *complex approach* is chosen, which was formed in the 2010s. Heritage, according to its main paradigm, is not only an exhibition of artifacts, but also cultural capital, a factor of sustainable development of the locus. It is considered on the example of large historical and architectural complexes, belonging to different types of architectural heritage, and a new type of restoration documentation that emerged in the bosom of this approach — the Concepts of heritage preservation.

Keywords: preservation of architectural heritage, cultural capital, methodology, concept, Russia.

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки технологий» на 2013–2020 годы в рамках плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.5.2.

Vyatchanina Tatyana,
Kulikov Sergey.
Contemporary World's
Architecture, 1/2020.
Pp. 297–330

УДК 72.009

DOI 10.25995/
NIITIAG.2020.81.27.014

Вятчанина Татьяна Николаевна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») E-mail: tatyat@yandex.ru
Куликов Сергей Борисович — старший научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), архитектор-реставратор высшей категории E-mail: sougorye@mail.ru

Vyatchanina Tatyana — PhD in Art history, Leading Researcher of the Branch of the Federal State Unitary Enterprise «Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation» NIITIAG

Kulikov Sergey — Senior Researcher of the Branch of the Federal State Unitary Enterprise «Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation» NIITIAG, architectrestorer of the highest category

Методология сохранения архитектурного наследия и реставрационного вмешательства в него — величина столь же константная, сколь и переменная. При общей незыблемости ее исходных постулатов, среди которых первейшие — подлинность, научная обоснованность и историческая достоверность, существует не менее настоятельная необходимость отвечать на вызовы времени. Для российской действительности они мощно заявили о себе в последние три десятилетия, когда достаточно стройная и подкрепленная законодательно научно-методическая система, сложившаяся в послевоенное время, столкнулась с обрушением государственной системы, бывшей ее основанием. В новых социально-экономических условиях советская методология во многом перестала работать. Во всяком случае, обнаружились серьезные лакуны в ее способности адекватно реагировать на новые условия реставрационной практики и стремительно меняющиеся запросы. Разделив общее кризисное и хаотичное состояние отечественной культуры и экономики периода перестройки, реставрационное дело выбиралось из него «наощупь», путем превалирующего эмпиризма¹.

Одним из первых вызовов еще неоформленного российского капитализма для отрасли стала проблема нового заказчика — частного и корпоративного. Установка на рост частного сектора в экономике страны неизбежно повлекла за собой перераспределение собственности на недвижимость, среди которой оказалось и архитектурное наследие. Однако предпочтения нового заказчика в процессе приведения в порядок исторических зданий часто преследовали цели, весьма далекие от ценностных критериев в области сохранения наследия. При этом финансовый диктат заказчика при общем ослаблении государственного контроля стал создавать серьезную угрозу.

Еще одна проблема пришла с достаточно неожиданной стороны, связанной с долгожданным изменением идеологического режима. Многим российским храмам и монастырям, составляющим фонд

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из наиболее близких по этой проблематике общих трудов см.: Щенков А.С. Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия. М.: Красанд, 2010.

наследия, была возвращена историческая функция — они были переданы Церкви. При всей «чаемости» и общей органичности этого действия довольно скоро выявились сложности, неожиданные и для научного сообщества, и для духовенства. Это была существенная разница в приоритетах при восстановлении старых храмов и исторических прихрамовых (или монастырских) сооружений именно с методологической точки зрения. Установления богослужебной практики (требовавшие, например, целостности оформления храмового комплекса) стали часто входить в противоречие с научной и методической обоснованностью реставрационных решений (например, с фрагментарной реставрацией); образовавшееся в монастырях и храмах наследие XX в. (новые функции или музеефикация) — с возвращением церковного функционирования (к примеру, расхождения его обрядовой стороны с режимами сохранности) и т. д.

Эти и многие другие подобные явления, возникшие в жизни российского наследия на рубеже столетий, стали индикаторами вполне определенного «белого пятна» в отраслевом методологическом ресурсе — неразработанности блока проблем, связанных с современным использованием исторических сооружений, т. н. *приспособлением*, в том числе в части исторической функции и ее «работы» в современных условиях.

Тому есть вполне понятное объяснение в нашей истории XX в. Революция практически аннулировала эти исторические функции вместе с классом их носителей и создателей большей и лучшей части исторического национального зодчества — дворцового, усадебного, культового. В последующие 70 лет советский социум решал проблемы использования наследия в лоне собственной общественно-политической логики. Наиболее благоприятным для наследия из подобных решений была музеефикация, и под нее большей частью и «затачивались» реставрационные действия на объектах. Однако многие исторические сооружения, лишенные адекватного функционирования, просто погибали и погибают до сих пор.

В этом плане постсоветский поворот к активизации использования наследия можно считать благом. Поддерживаемая возобновившимся с определенного момента государственным и общественным контролем и обновленным юридическим регулированием реставрационная практика накапливает все более обширный опыт в этом направлении. Проблема дефицита методических оснований решается непосредственно «на марше». Эмпирический багаж, накопившийся на сегодняшний день, учитывая задаваемые заказчиками стремительные темпы — колоссальный. Фронт проводимых работ по восстановлению и приспособлению архитектурного наследия к активной эксплуатации имеет самую обширную географию — от Калининграда до городов Восточной Сибири, от Соловков до Дербента — и охватывает все виды исторического зодчества: культовое, крепостное, усадебное, жилое, градостроительное...

Количество, как известно, переходит в качество, что мы и наблюдаем в тенденциях и направлениях, формирующихся в отечественной реставрации. А это — рождение новых парадигм и стратегий. Стремительно накапливаемый опыт требует осмысления и фундаментальной аналитики.

Наиболее инновационным из подобных подходов стал, на наш взгляд, т. н. *комплексный подход*, формирование которого приходится в основном на 2010-е гг. Он возник в том числе как следствие текущего опыта восстановительной работы с большими историческими комплексами и их большими многосторонними проблемами. Этот подход оказался востребованным и «сверху» в качестве возможного выхода из достаточно хаотичного положения вещей в отрасли — в частности, многолетней пробуксовке работ на таких комплексах, несмотря на огромные затраты и финансового, и человеческого капитала. Административный интерес и ресурс стал значимой компонентой его разработки.

По существу, это стало актом методического упорядочивания критической массы накопившихся в практике новаций самых разных уровней — от общегосударственных стратегий до частных профессиональных методических решений. Его инструментом стал новый жанр предпроектной документации, именуемый «Концепция по сохранению наследия» — документ, который должен давать *системное видение* всего спектра проблем объекта наследия и управления им, включая его социально-экономический и градообразующий потенциалы в отношении окружающих территорий и населенных пунктов. Разработка такого методического «навигатора» должна предварять восстановительные работы — в первую очередь на крупных многосоставных объектах.

Механизм работы метода — выявление, комплексная оценка и аналитика проблем памятника, создание определенной «дорожной карты», пошагового сценария для работы с ним. Проводится предварительное общее обследование объекта, выявляется максимально полный спектр проблем, связанных с ним и его окружением, разрабатывается программа действий по их решению. Важно заметить, что конечной целью разработки «Концепции» является не создание собственно концепции в научном понимании этого слова, а определение общей стратегии действий по всем направлениям и оценка перспектив — ближайших и дальних (в том числе «как это будет работать», «во что это обойдется» и «как сбалансировать одно с другим»).

Методологическое ядро такого подхода представляет собой уже несколько обновленную парадигму отношения к историческому наследию. В ее лоне историческое наследие рассматривается не столько как экспозиция артефактов в том или ином сочетании, сколько как *культурный капитал* и как *фактор устойчивого развития* той или иной территории. И то

и другое понятия в данном случае имеют преимущественно социальную направленность.

Иными словами, исторический объект оценивается не только в историко-архитектурном и, шире, историко-культурном отношении. Не меньшее значение имеют его социальный, экономический, духовный и прочие потенциалы, связанные с его бытованием в определенном локусе в прошлом, настоящем и будущем. Памятник должен быть исследован, сохранен или воссоздан по всем правилам, но при этом он должен быть «живым», адекватно функционирующим в современной жизни, обрести хозяина. Реставрация в лоне такого подхода — это не просто восстановление архитектурной старины. Это — новая деятельность, обновленная функция исторического комплекса, привлечение разного рода ресурсов и статусов, развитие прилегающих территорий, инфраструктуры, социальной сферы.

Подобные концепции разрабатывались для памятников такого масштаба как Новый Иерусалим, Соловки, Выборг, Кирилло-Белозерский монастырь, крупные дворянские усадьбы и целый ряд других объектов культурного наследия России.

Каждый из этих проектов отражает и разрабатывает уникальность объекта. Однако при всей несхожести анализируемых структур методическая задача во всех случаях едина.

Три базисных фактора лежат в основе комплексного методического подхода:

- определение характера и состава культурного наследия, индивидуализированного для каждого объекта;
- стратегия в отношении его сохранения;
- стратегия в отношении его приспособления.

Наиболее существенным вопросом для анализа в данной статье мы полагаем влияние первого фактора на два последующих или, иначе говоря, — каков план воздействия имманентных качеств тех или иных феноменов наследия на определение принципов его сохранения и использования. Наиболее показательным в этом отношении может стать анализ «Концепций...», разработанных для трех различных видов архитектурного наследия: монастырь (Соловки), историческая часть города (Выборг) и усадьба (Муромцево).

СОЛОВКИ

Привычное и устоявшееся в профессиональных кругах представление о культурном наследии Соловецких островов всегда было, казалось бы, достаточно ясное. Это, в первую очередь, выдающийся по своим архитектурным качествам ансамбль Соловецкого монастыря XVI–XIX вв. плюс ряд ценных исторических сооружений на островах — скитских и гидротехнических. Это и зафиксировано в таком разделе документации

ЮНЕСКО как «Ретроспективная формулировка выдающейся универсальной ценности историко-культурный комплекс Соловецких островов» — «уникальный по цельности и полноте сохранившихся в нем элементов комплекс культовых, жилых, хозяйственных, оборонительных и гидротехнических сооружений, сети дорог и ирригационных систем средневековья, а также археологических памятников, отражающих древнюю и средневековую культуру островов»¹.

В этой ситуации несколько неожиданной выглядит формулировка диплома ЮНЕСКО о включении комплекса Соловецких островов в Список Всемирного природного и культурного наследия как «выдающегося памятника, представляющего собой апогей русской православной стойкости и мужества; выдающегося примера монастырского поселения в суровых условиях Северной Европы, являющегося прекрасным примером веры, целеустремленности и мужества религиозных общин позднего средневековья»². Иными словами, основанием всемирной ценности этого объекта полагается в первую очередь его нематериальное наследие.

Помимо признания такого рода историко-культурной ценности комплекс Соловецких островов были номинирован в ЮНЕСКО как объект всемирного природного наследия. Вследствие постепенного поднятия суши после ухода ледника природные зоны островов представляют собой своего рода музей естественной истории.

Таким образом, соловецкое наследие насчитывает как минимум три базовых равновесных составляющих: историко-архитектурная, нематериальная (духовная) и природная. Принципиально в данном случае уяснить соотношение и взаимодействие этих составляющих, степень их автономности и весомости относительно друг друга.

В «Концепции сохранения культурного наследия Соловецкого архипелага» это зафиксировано в формулировке общего понятия соловецкого наследия. Это — «триединство духовного, культурного

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Схема сакральной топонимики Соловецкого архипелага

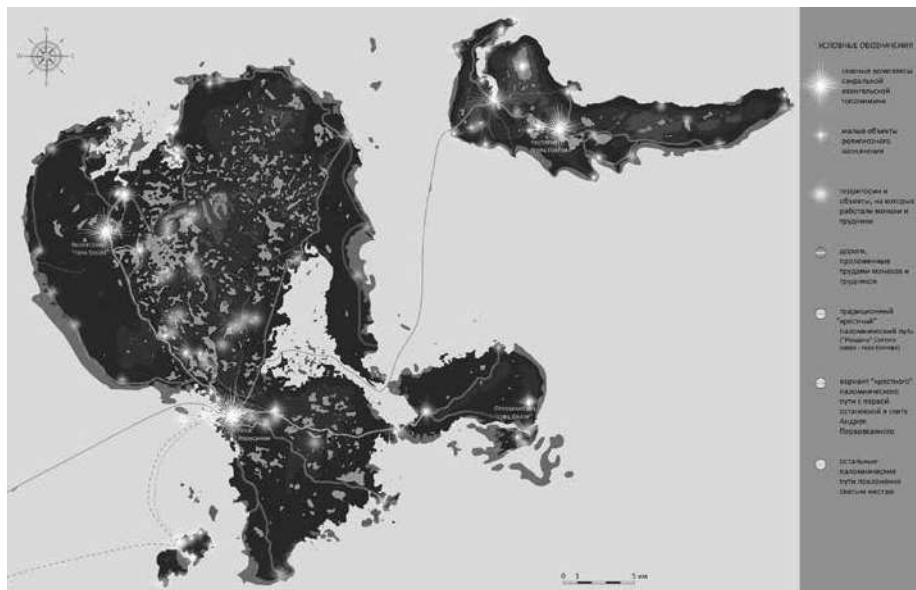
2. Историко-культурный опорный план Соловецкого архипелага

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1992 г. Соловецкий историко-культурный комплекс внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО под номером 632 по критерию IV («Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории»).

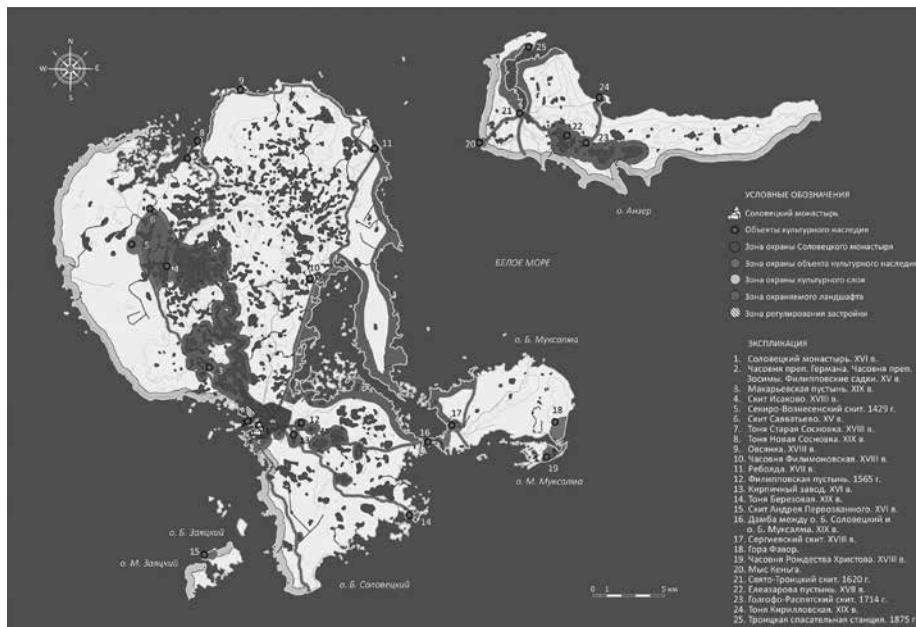
² Номинационный критерий (iv).

³ Концепция сохранения культурного наследия Соловецкого архипелага. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Разумовская А.А. (рук. проекта), Разумовский М.Ф., Гончарова В.А., Замжицкая О.М., Кадейшвили Е.А. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2013.

и природного феноменов, исторически возникшее и развивающееся в приполярном пространстве Соловецких островов³ (илл. 1, 2, 3).

При всей казенности формулировки в ней определено главное качество данного конкретного наследия — его синкретичность, сугубая сплавленность базовых компонентов. Меру их нерасторжимости уже

3. Схема природоохранных зон Соловецкого архипелага

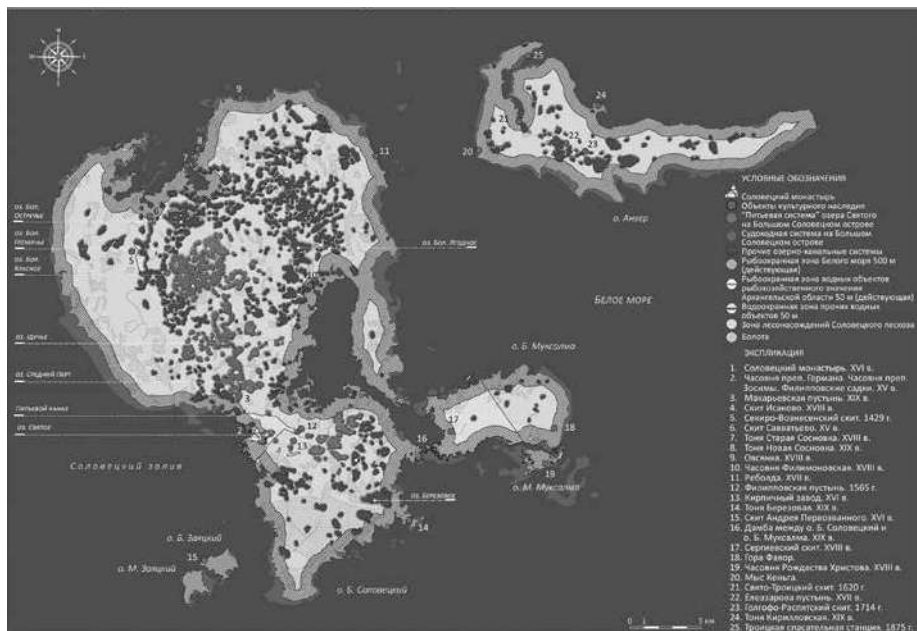
ПРИМЕЧАНИЯ

⁴ СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, крупнейший в СССР исправительно-трудовой лагерь на территории Соловецких островов, действовавший в 1920–1930-х годах.

⁵ Концепция сохранения культурного наследия Соловецкого архипелага. Рекомендательный раздел.

показала история этого места. Нарушение их внутреннего баланса ведет к тотальному разрушению и прекращению существования всего соловецкого феномена. Его главное качество — так же как и «триединства», заложенного в его основу — можно определить как цивилизационное. Несмотря на превалирующую нераздельность этого триединства, в нем прослеживается определенная иерархичность.

Изначальная основа, движущая и консолидирующая сила данной конкретной цивилизации — устремление религиозного духа. На него нанизываются все последующие явления и действия участников этого исторического процесса, обретающие разносторонние качества человеческой культуры: художественной, технической, хозяйственной и пр. Исходная природная приполярная заданность среды происходящего феномена не является пассивной заданностью. Это свободный сознательный выбор, а учитывая глубинную религиозную компоненту — осознание как высшей данности. В этом принципиальное отличие соловецкого цивилизационного качества от какой бы то

ни было «робинзонады». Островная отделенность и северная суровость соответствовали базовым аскетическим установкам основоположников и насельников монастыря, а локальная климатическая мягченность и природная обогащенность архипелага сделали объективно возможными жизнь и культурно-хозяйственное развитие в этом месте. Правда, возможными на определенных, достаточно жестких условиях — прежде всего, постоянного непрекращающегося труда — духовного и физического. Созидание в условиях постоянного противостояния окружающей среде — вернее, деятельного духовного противостояния физическим трудностям — по сей день остается атрибутом, присущим устройению жизни на Соловках. А также основой поддержания всей этой мощной по своему антропогенному духовно-энергетическому ресурсу и одновременно уязвимой и хрупкой системы.

Любой дисбаланс, тем более грубый, грозит обрушением системы. Более всего эта угроза проистекает от разрушения базовых факторов — прежде всего, духовных. В самом экстремальном виде это показал опыт СЛОНа⁴, причем даже в части труда (система которого была формально заимствована, кстати, из монастырского уклада): лагерный труд, количественно даже превышающий монастырский, производил в конечном счете не созидание, а разрушение и уничтожение. Но есть и менее радикальные факторы, грозящие разбалансировать систему существования соловецкого наследия, особенно в современных условиях.

Одна из главных задач сегодняшнего комплексного подхода к его сохранению — грамотное выявление этих рисков и разработка системы их предотвращения. Развитию рисков в данном случае способствуют самые различные факторы — даже такие, казалось бы, объективно позитивные, как глобальный технический прогресс, облегчающий транспортную и иную доступность в любую географическую точку, массовое развитие туризма с сопровождающей его гостевой инфраструктурой, коммерческой деятельностью и т. п. Для соловецких реалий — это прямая угроза потери ряда базовых качеств, в частности такого, например, как уединенность, пустынный. Аскетическое «пустынничество» до сих пор остается одной из определяющих характеристик соловецкого «духа места». В данном случае требуется строгая регламентация туристической нагрузки (включая паломническую) на архипелаг, чтобы «дух» этот вовсе не истребить.

Эти базовые качества памятника с их внутренней иерархией определяют решение вопроса о его дальнейшем функционировании. Ведущим видом деятельности на Соловках определяется «*деятельность религиозной общины*» с сохранением и развитием традиционного монастырского уклада жизни в качестве важнейшего нематериального компонента наследия⁵, т. е. возрождение исторической функции. Это «органично

отвечает также потребностям сохранения заповедного природного окружения». Всему архипелагу предлагается придать статус «достопримечательного места», а конкретнее, одного из его видов — «религиозного исторического места».

Возрождение исторической функции как условие восстановления наследия Соловецкого комплекса абсолютно необходимо. Но столь же очевидна и невозможность возврата к прошлому, если под восстановлением подразумевать не создание «исторической реконструкции», а продолжение жизни на архипелаге. Двадцатый век стал самостоятельным историческим этапом, оставившим и свое наследие, и свои новые привнесения. На архипелаге появился «гражданский» поселок с постоянным населением и соответствующим комплексом проблем по его развитию и жизнеобеспечению.

Главная методическая задача нового комплексного подхода заключается в поиске путей жизнеспособного совмещения «прошлого» с «будущим», а это: максимальное сохранение наследия — прежде всего, подлинности во всех ее ипостасях, включая средовые и нематериальные характеристики — плюс выработка стратегий его полноценного функционирования с учетом новых параметров жизни. Применительно к Соловецкому архипелагу сюда включается и его обновленная идентичность (всемирный статус, в том числе), на которую наследие должно так или иначе «работать». Это прямо относится к задачам реставрации — и технически, и концептуально.

Именно в части приспособления XX в. оставил на Соловках в «наследство» целый букет проблем. Среди них проблемы, связанные с: а) музеефикацией и б) гражданским поселением. И то и другое появилось впервые в истории острова именно в XX в. как следствие упразднения монастырской жизни. Поселок возник в советское время и не являлся продолжением какой бы то ни было исторической монастырской слободы. Он начал обретать форму после Второй мировой войны, когда

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶ Рахманова Л.Я. Социокультурная идентичность населения Соловецких островов : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2015. С. 80. На правах рукописи.

были расформированы Соловецкий лагерь и тюрьма⁶. История Музея-заповедника тоже начинается только в 60-х гг. XX в., и до возвращения на Соловки богослужебной деятельности в 1998 г. он был фактическим хозяином в монастыре и за его пределами. Потребности и логика перспектив развития монастыря, музея и поселка достаточно разнонаправлены, вплоть до потенциальных антагонизмов. Иными словами, на сегодняшний день «северный Афон» уже представляет собой новую сложную комбинацию сакральных и профанных — или, проще говоря, общественно-гражданских — факторов. Их увязка, поиск компромиссов и взаимных выгод, определение области ограничений и допустимости инноваций, их корректности в соотношении с историческим материальным и нематериальным наследием (теперь уже мировой значимости!) — предмет методического инструментария, разрабатываемого в лоне обсуждаемого комплексного подхода.

Как уже было сказано выше, на данном конкретном сложносоставном объекте методическим основанием сохранения его наследия, исходя из имманентных свойств самого наследия, является возрождение исторической функции. На деле это стало не столько решением комплекса методической стратегии, сколько началом его формирования. Для осуществления исторической функции, тем более на современном уровне, требуется полный набор составляющих ее атрибутов — от целостного богослужебного комплекса убранства храмов до инфраструктуры монастырской жизни и служб (весьма разветвленной в ходе истории этого места). Сама монастырская жизнь тоже претерпела определенные видоизменения. Ряд функций утрачиваются или переоснащаются, и исторические сооружения, им посвященные, требуют переприспособления или музеефикации. Это, например, такие здания, как портомойня и мельница с раскрытыми там недавно историческими механизмами, здание монастырской тюрьмы, старые инженерные, в т. ч. гидротехнические, сооружения или скитские хозяйственные постройки по промыслам, которыми монастырь больше не занимается, не говоря уже о давно утративших свое значение оборонных сооружениях.

Историческая функция живет и развивается, отвечая на меняющиеся запросы времени. Перед «хозяином» архипелага на сегодняшний день стоят уже другие задачи — не столько покорение целины, сколько удержание и наследование плодов этого покорения. Цивилизационный вектор сменяется на вектор охранительный, во многом противостоящий напору прогресса. Критическая точка цивилизации этого места, судя по всему, уже исторически пройдена, дальнейшее движение в этом направлении более чревато потерями — прежде всего для его системообразующей духовной основы. Сегодня у монастыря появились абсолютно новые функции, связанные с его древностью и заповедностью — с сохранением и экспонированием

наследия во всех его измерениях или, иначе говоря, с реставрационной, музейной и туристической деятельностью.

Опрокидывая эту ситуацию на область «сохранительной» методологии, мы можем наблюдать, как проявляется внутренняя эволюция в подходах. Церковный подход, изначально ориентированный по преимуществу на вневременное и смысловое в богослужбном оформлении культа и монастырской жизни и потому не нацеленный на сугубую ценность конкретно-исторической формы и материи, а значит и на ее сохранение или воспроизведение при восстановлении монастырских сооружений, стал подвергаться корректировке в сторону научно-реставрационных установок. Со стороны профессиональной реставрации происходит встречный подбор адекватного методического «инструментария». Удельный вес методов чистой консервации, в т.ч. руин, а порой и фрагментарной реставрации автоматически сокращается, а развитие методов корректных докомпоновок, внутренних реконструкций и воссозданий с удержанием необходимого для объекта всемирного наследия уровня аутентичности выходит на первый план. (Естественно, это **не** распространяется на древнейшие сооружения монастыря, где

ИЛЛЮСТРАЦИИ

4. Вид на Кирилло-Белозерский монастырь

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Концепция сохранения культурного наследия ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Куликов А.С., Антонова Е. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2015.

реставрационные действия проводятся по самым строгим правилам научной реставрации). Категория «подлинности» в этом процессе получает расширение, ту самую *комплексность* — прежде всего в лоне международного законодательства, — и захватывает все больший спектр показателей и исторических признаков места. Это и ландшафтно-визуальные, и образно-стилевые показатели, в т. ч. при новом строительстве, и параметры разрешенной деятельности, и дорожно-транспортные условия, и многие другие факторы, охраняющие в т. ч. аутентичность «*genius locus*» от потенциально разрушающих вторжений.

Эти проблемы в разном объеме и с разной степенью строгости обнаруживаются при возвращении исторической функции во все древние монастыри — Новодевичий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Толгский и др. Практически везде возникает определенный конфликт между обновлением живой монастырской жизни и требованиями к сохранению исторических сооружений, в т. ч. в части их приспособления. Нельзя, к примеру, устраивать свечное производство в башне XVII в., еще и обив ее изнутри вагонкой, неимоверно повышая риск возгорания, как это было сделано в Иосифо-Волоколамском монастыре. Или современную пекарню в плохо вентилируемом древнем здании (там же). Другая крайность, например, — задание на устройство в древнем сводчатом помещении «тренажерного зала» для насельников монастыря (из опыта восстановления другого монастыря). Здесь уже оберегания требует сама историческая функция. Иными словами, образовалась серьезная «вилка» между современными и историческими технологиями жизни и, соответственно, проблемы с эксплуатацией приспособленных под последние исторических сооружений — которые надо при этом тщательно и по правилам сохранять.

В этой ситуации во многом растет приоритетность инженерной части в реставрационных стратегиях. Надо отметить, что в этом плане мы обретаем определенную релевантность европейскому опыту, в частности итальянскому, где инженерные решения в приспособлении архитектурного наследия к современной жизни уже давно получили собственное развитие и предлагают целый спектр проработанных направлений. И одно из них, нетравматичное для памятника — это вынесение новых инженерных конструкций в самостоятельные структуры, обслуживающие памятник, но не внедренные в его историческую ткань и составляющие с ним обновленное функциональное и эстетическое целое. Сходные решения уже опробованы на наших северных монастырях — в частности, на башнях Кирилло-Белозерского монастыря, в интерьерных решениях.

Опыт работы в обсуждаемом здесь направлении с Кирилло-Белозерским монастырем показателен еще и в другом, более общем отношении — в плане выстраивания стратегии комплексного развития ансамбля монастыря и окружающих его территорий⁷ (илл. 4). Процесс возрождения

монастыря ставится в тесную взаимосвязь с культурным и социально-экономическим развитием Белозерского края, прежде всего, близлежащего города Кириллова, имеющего статус исторического поселения. Благодаря этому процесс становится обоюдоострым, точнее обоюдовыгодным — государственные бюджетные затраты в сфере культуры фактически становятся инвестициями в социально-экономическое развитие территории, а развитие экономики и социальной сферы города и края помогает сохранять памятник и возрождать исторический «дух места». Здесь ярко представлена еще одна важная функция метода — проектирование управления памятником, выработка схемы необходимых координационных действий его субъектов. Она многоуровневая. На муниципальном, областном, федеральном уровнях должен решаться последовательно целый спектр проблем, связанных с памятником и его кластером: возрождение и поддержание ценных качеств и особенностей образа жизни края, развитие паломнического и туристического секторов на основе преимуществ территории, укрепление международного культурного престижа, в частности, отношений с ЮНЕСКО, а также круг экзистенциальных вопросов, реализуемых через духовную и научно-просветительную деятельность. Такое продвижение возможно и плодотворно только в случае скоординированных действий всех административных уровней (илл. 5).

ВЫБОРГ

«Концепция сохранения исторической части г. Выборга» (2014 г.)⁸ работает с наследием другого рода и формата — историко-градостроительным. Однако аналитическая схема используется практически та же. Развивается тот же методический принцип: комплексный подход к исследованию наследия, в том числе его средовых и функциональных характеристик — в данном случае в масштабе исторической части города — и выработка стратегии его сохранения как потенциала развития жизни города.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

5. Ансамбль Кирилло-Белозерского монастыря и схема рекомендуемых режимов использования земель охранной зоны

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸ Концепция сохранения исторической части г. Выборга. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Замжицкая О.М. (рук. проекта), Борисенко К.А., Сухачев А.С., Вятчина Т.Н. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2014.

Каков характер Выборгского наследия?

Выборг — это по-своему уникальный для территории России город. Ключевым словом в отношении его многовекового наследия можно считать слово «мультикультурное». Будучи балтийским форпостом, город попеременно входил в состав Швеции, Финляндии, России, «переходящим» пограничным пунктом которых он являлся на протяжении семи веков. Благодаря этому город вобрал в себя черты разных культурных традиций. Именно это сочетание североευропейской и русской традиций, причем на достаточно небольшой территории, составляет основу уникальности облика Выборга. В нем же содержится и его базовая проблематика (илл. 6, 7).

Хронологический и стилистический диапазон архитектурного наследия Выборга отличается широкой амплитудой — от средневековых построек XIII в. до зданий эпохи модернизма первой половины XX в. В городе сохранились шведский средневековый замок, комплексы фортификационных сооружений XIII–XIX вв., постройки в стиле национального романтизма и северного модерна рубежа XIX–XX вв., памятники периода модернизма и функционализма XX в., причем в шедеврах. Один из них — городская библиотека, единственная на территории России постройка финского корифея европейского функционализма Алвара Аалто.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

6. Вид на историческую часть г. Выборга

7. Вид на Замковый остров г. Выборга

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸ Концепция сохранения исторической части г. Выборга. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Замжицкая О.М. (рук. проекта), Борисенко К.А., Сухачев А.С., Вятчанина Т.Н. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2014.

Город обладает также рядом прекрасных парков, самый знаменитый из которых парк Монрепо — скальный пейзажный парк на берегу бухты Выборгского залива в северной части города, созданный во второй пол. XVIII — первой пол. XIX в.

Выборг — это еще и обширный архитектурно-ландшафтный комплекс, обладающий историко-градостроительной ценностью. Его своеобразие во многом обязано расположению на полуострове и островах акватории Выборгского залива.

Территория исторической части Выборга делится на три основные зоны:

— средневековый город XIII–XVII вв. с градостроительными реликтами XVI–XVII вв. (культовыми и жилыми, в том числе руинированными), фиксирующими дорегулярную городскую планировку;

— регулярный город XVIII — пер. пол. XX в., где сконцентрирована основная часть объектов культурного наследия города;

— фортификационные территории XVIII — нач. XX в., которые отличаются от городских территорий специальной планировочной структурой, наличием сохранившихся укреплений и военных сооружений.

Каждая из этих частей самоценна.

В целом наследие исторической части Выборга обладает ярко выраженным своеобразием исторического морского города-форпоста. Причем он вобрал в себя не только черты архитектурных традиций сопредельных стран, но и черты их жизнеустройства, запечатлевшиеся в градостроительной структуре и в составе главных городских

сооружений. Близость к столицам, особенно российской и финской, и особое «высочайшее» внимание, которое всегда уделялось городу, определило высокий столичный уровень исторической архитектуры.

Многие методические проблемы, возникающие в отношении выборгского наследия, вытекают именно из его качества *мультикультурности*. На деле это целый комплекс разноуровневых проблем, касающихся и сугубо реставрационной тематики, и заходящих в более широкую социальную, политическую и даже идеологическую сферу. Корнями сегодняшние проблемы наследия во многом уходят в историю, прежде всего военную. Переход города из-под одной государственной юрисдикции в другую сопровождался, как известно, острыми военными конфликтами и действиями с неизбежными разрушениями, наносившими огромный урон архитектуре города. Последствия этого сохраняют актуальность до сего дня в виде прямых утрат городских доминант и образовавшихся лакун в исторической ткани города, а также аварийного состояния многих «выживших» исторических зданий и улиц. Более того, в настоящее время продолжают обрушения и сносы целых кварталов застройки.

Главным и самым очевидным риском на сегодняшний день является угроза физической утраты памятников архитектуры, причем на градостроительном уровне. С этой точки зрения наследие требует прежде всего физического сохранения, восстановления и приведения в порядок. И как единственное условие дальнейшего существования — определение его жизнеспособного приспособления. И это должны быть прежде всего тотальная инвентаризация и юридическая защита объектов культурного наследия, «противоаварийные работы, реставрационные работы, приспособление для современного использования», а для средовых объектов — «ограниченная реконструкция с приспособлением для современного использования». Именно так это определяется в Концепции.

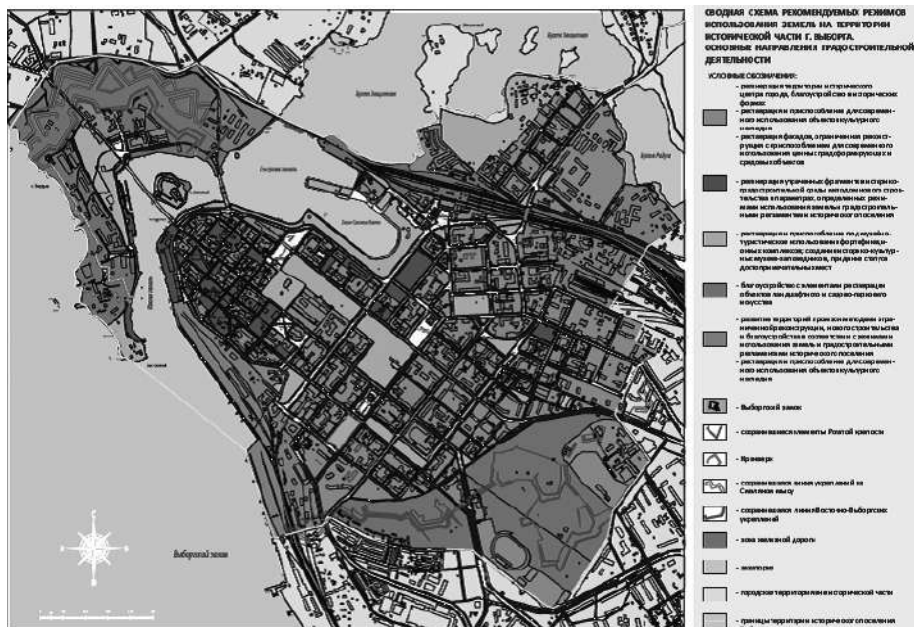
Фактор поликультурности архитектурного наследия в не меньшей степени формирует пути решения проблем его дальнейшего использования — их приоритеты и особенности. Сразу стоит определить два базовых концептуальных принципа, предлагаемых в этом отношении в лоне стратегии сохранения старого Выборга. Это, во-первых, приоритетное поддержание *исторической функции* в вопросах приспособления памятников архитектуры; во-вторых, комплексное сохранение исторической части города как *единого целостного объекта историко-градостроительного наследия* и создание государственного объединенного историко-архитектурного и природного музея-заповедника.

Стоит еще раз оговориться, что приоритетным видом приспособления любого исторического здания является *историческая функция*. Сохранение функции, повлиявшей при создании сооружения на архитектурное решение, является своего рода гарантом его долгожительства.

В Выборге, несмотря на радикальные политические изменения, особенно в XX столетии, характер использования многих зданий оставался достаточно стабильным — таких, например, как банки начала XX в., главпочтамт, музей, архив и ряд других сооружений. Сложившаяся тогда инфраструктура западноевропейского города сохраняет свою актуальность и релевантность сегодняшнему дню. Здания не изменили первоначального назначения и отличаются почти музейной сохранностью. То же можно констатировать и в отношении жилых домов, являющихся памятниками архитектуры. Несмотря на отсутствие лифтов, капитального ремонта и многих других удобств, люди продолжают в них жить. Для этого наследия сохранение исторической функции является однозначно приоритетным — в режиме реставрационных работ по фасадам, подъездам и пр. с сохранением (восстановлением) особенностей каждого здания, его градостроительных и силуэтных характеристик, художественных особенностей (отделочных, цветовых, декоративных). Внутри допустима ограниченная модернизация жилья с обеспечением современной инженерией.

Однако и в данном случае надо отдавать себе отчет в невозможности и ненужности «исторической реконструкции» в городе. Сегодняшний день диктует новые потребности, в том числе экономические. Сейчас одна из важных и перспективных статей дохода в городском бюджете — это туризм. Как показывает европейский опыт, туризм способен «кормить» города и даже страны, и наследие в этом случае — реальный потенциал и капитал. В выборгской ситуации, в отличие от рассмотренной выше ситуации на Соловках, туризм следует не лимитировать, а максимально развивать. Город уже позиционирует себя как туристический центр и обладает полным необходимым для этого ресурсом: и общим богатством и эксклюзивностью исторического облика, оваянного североевропейским и одновременно российско-петербургским «духом места»; и туристической аудиторией, включающей сектор сугубо заинтересованных иноземных «наследников»; и городским фондом для развития гостевой инфраструктуры.

Последняя может стать одним из вариантов решений — вернее целого спектра решений — по использованию проблемных видов наследия, например, исторических жилых домов, не сохранивших планировку и первоначальную отделку интерьеров. В них могут быть размещены отели — приспособление, максимально приближенное к исторической функции, с одной стороны, и отвечающее «злобе дня», с другой. Другим решением может быть строительство гостиниц и других туристических объектов в качестве регенерации застройки участков, расположенных в исторической части города, и не получивших до сих пор градостроительного освоения. Третий вариант — перепрофилирование под

Сказываются ее внутренние противоречия — в данном случае конфессиональные и политические различия государств, принадлежность к которым менял город. Речь идет о двух кафедральных соборах г. Выборга — старом соборе Св. Марии и Св. Олафа и Новом лютеранском соборе. От первого сохранились руинированные остатки стен и отдельно стоящая колокольня, известная как Часовая башня. От Нового собора остались лишь фундаменты с подвальными частями, «накрытые» сегодня сквером.

Старый собор был построен шведами в XV в., с середины XVI в. стал кафедральным собором Выборгской епархии. В ходе своей сложной исторической судьбы собор последовательно был католическим, лютеранским и православным. Последним его назначением стало приспособление под гарнизонную лютеранскую церковь (с 1918 г.). Храм был разрушен во время советско-финской войны в 1939 г.

Новый кафедральный лютеранский собор, выстроенный в конце XIX в. в неоготическом стиле и ставший «выборгским Нотр-Дам» и одной из главных архитектурных доминант города, был закрыт в марте 1940 г. после передачи города СССР. Он сильно пострадал от бомбардировок во время Второй мировой войны (в которой Выборг выступил на немецкой стороне), а в 1953 г. по распоряжению советского руководства был взорван.

То есть, собственно говоря, на сегодняшний день самой этой «проблемной части выборгского наследия» практически не существует.

Существует только сама проблема — проблема его воссоздания, так как вместе с соборами были утрачены важные архитектурные доминанты старого Выборга. В настоящее время, когда ушли в историю былые идеологические и политические конфликты, приведшие к разрушению храмов, и на первый план вышли проблемы экономические и социокультурные, вопрос существования разрушенных соборов обрел актуальность именно в этом ключе. Как это ни парадоксально, восстановление этих культовых сооружений не может стать делом религиозных организаций. Ни лютеранской Церкви — так как Выборг, будучи российским городом, перестал быть преимущественно лютеранским (несмотря на абсолютную веротерпимость российских императоров касательно данной губернии). Нынешний евангелическо-лютеранский приход г. Выборга не обладает достаточными «мощностями» ни для восстановления, ни для полноценного церковного использования этих объектов. О Русской православной церкви в данном случае речи идти не может.

Иными словами, воссоздание соборов (решение и осуществление) становится по преимуществу делом светских властей — так же как и мотивация подобной идеи. А ее концептуальное, проектное и реализационное сопровождение оказывается в рамках того самого комплексного подхода, который здесь обсуждается. Однако «Концепция сохранения исторической части г. Выборга» не рассматривает эту идею. Для таких крупных воссозданий, особенно в случае с Новым лютеранским собором, нужна, вероятно, более весомая, в том числе идейная мотивация, потребность более высокого уровня жизненной необходимости, нежели туристическая привлекательность (и даже окупаемость) или восстановление объемно-пространственного образа исторической части города. Об этом свидетельствует российский опыт масштабных воссозданий в постсоветский период (храм Христа Спасителя, Казанский собор с Иверскими воротами на Красной площади, Ново-Иерусалимский

ПРИМЕЧАНИЯ

⁹ Львов И.В. «Воссоздание Нового кафедрального собора г. Выборга». 22.01.2018 [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Некрополь России». URL: <https://pohoronka.ru/news/1495-vossozhdanie-novogo-kafedralnogo-sobora-g-vyborga> (дата обращения: 19.06.2020).

монастырь под Москвой и др.). Это тоже своего рода риски, подлежащие разносторонней оценке — прежде всего, с точки зрения достаточной оправданности: знаковой, функциональной, социальной и идеологической, а главное — дальнейшей жизнеспособности восстановленного сооружения.

Тем не менее перспектива воссоздания Старого и Нового соборов в Выборге не только активно обсуждается, но и разрабатывается проектировщиками. В 2015 г. был разработан и представлен на публичное обсуждение проект воссоздания старого собора. Общий методический подход в предложенном проекте — более знаковый, чем научно-реставрационный. Консервируются подлинные остатки, а остальное — стены и кровля — докомпоновываются в исторических формах по иконографическим материалам и типологическим аналогам, в основном шведским. В интерьере с помощью современных легких материалов предлагается контрастно, почти виртуально воспроизвести контуры исторических звездчатых сводов, давая представление о былом интерьере. Общая идея целостного воссоздания собора состоит в регенерации значимого средневекового фрагмента города — на сегодняшний день заброшенного городского участка. Новое назначение здания мыслится как российско-финляндский культурный центр с музеем, лекционно-выставочным залом, библиотекой.

Воссоздание Нового собора пока существует более на уровне идеи, причем достаточно дерзновенной. В ее поддержку приводится, в частности, пример воссоздания кафедрального готического собора в Кенигсберге (Калининграде). «Собор, практически полностью утраченный во время Второй мировой войны, долгое время не восстанавливался. Руины стен простояли до 1993 г., а с 1994 г. начался период восстановления, который длился в течение 10 лет. В настоящее время собор является одним из символов (визитной карточкой) города Калининграда. Службы в соборе не проводятся, но здание эффективно используется для размещения музейных экспозиций и проведения концертов. Действуют евангелическо-лютеранская и православная часовни. В месяц собор посещают около десяти тысяч человек, стремительное увеличение потока посетителей связано с современным подходом в организации новых творческих культурных проектов»⁹.

Эта параллель, проведенная одним из уважаемых выборгских чиновников-градозащитников Игорем Львовым, корректна лишь отчасти. Есть два существенных отличия калининградского случая от выборгского, способствовавших и общей мотивации, и осуществлению этого суперзатратного предприятия. Во-первых, сохранность Кенигсбергского собора была несравненно выше — по существу, были утрачены только верхние части здания и убранство интерьера. Во-вторых, собор принадлежит изначально к средневековой готике (нач. XIV в.), что ставит

его в ряд самых ценных памятников в общеевропейском масштабе. Проект восстановления носил международный характер (Россия, Германия, Польша), и его основным инициатором и спонсором была Германия, памятником истории которой он и был в течение шести веков. Немаловажным и даже определяющим фактором стало то обстоятельство, что в соборе находится захоронение Иммануила Канта.

Предложения разработчиков «Концепции сохранения исторической части г. Выборга» носит более сдержанный и взвешенный характер. По их предложениям, уместно создание в Выборге объединенного историко-архитектурного и природного музея-заповедника — Выборгский замок, крепостные и фортификационные сооружения, древние здания и сооружения XV–XVII вв. и ряд других объектов¹⁰. Такое приспособление стратегически способно покрыть весь основной комплекс проблем в отношении охраны/сохранения наследия и одновременно создать условия для его эффективной «работы» на организацию современной городской жизни.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

10. Вид на каскады, парк и дворец усадьбы Муромцево. Фото нач. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁰ Концепция сохранения усадьбы В.С. Храповицкого Муромцево. Техничко-экономическое обоснование. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Замжицкая О.М. (рук. проекта), Вятчина Т.Н., Сухачев А.С., Постолаки В.А., Калугина И.В. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2015.

УСАДЬБА МУРОМЦЕВО

Еще один вид историко-архитектурного наследия, к сохранению которого применим комплексный подход — это русские дворянские усадьбы. Спектр проблем усадебного наследия в этом плане более камерный, но, с другой стороны, предоставляет широкий диапазон возможностей в части приспособления — от общегосударственных до частно-потребительских. Многое зависит от статуса самой усадьбы, ее роли в истории и культуре страны, архитектурно-художественного качества и физического состояния.

Одна из российских усадеб, восстановление которой ведется по рассматриваемой нами схеме, — это имение В.С. Храповицкого Муромцево, находящееся во Владимирской области.

Муромцево — это усадьба, которую никак нельзя причислить к традиционным для России «дворянским гнездам». Это усадьба-манифест, усадьба-эксперимент, социально-экономический и культурный. Это попытка «революции сверху» передового русского дворянства в пореформенной и предреволюционной России, представляющая консервативную альтернативу развития страны без каких бы то ни было разрушений государственной системы «до основания».

Ансамбль усадьбы Муромцево был сформирован в период 1880–1910-х гг. По замыслу владельца — Владимира Семёновича Храповицкого — ансамбль был спланирован по образцу западноевропейских замков. В качестве архитектора был приглашен П.С. Бойцов, который спроектировал усадебные сооружения в стиле исторического романтизма (илл. 10).

Это была модернизированная дворянская усадьба, основная идея которой заключалась в обустройстве на самостоятельной экономической основе (развитие передового лесопромышленного производства) частного культурного центра, включающего в себя художественную коллекцию, театр, парк. Причем важно, что эта образцово-показательная усадьба создавалась в глубинной, коренной России. В замысел владельца усадьбы, очевидно, входило стремление доказать возможность быстрого и цивилизованного развития российской глубинки. Это получало воплощение и в архитектурном и садово-парковом обустройстве усадьбы, и в управлении хозяйством. Видимо, для большей убедительности своей идеи в глазах высшего света Храповицкий решил сделать Муромцево модным местом.

Как известно, поиск альтернатив развития шел и в архитектуре этого периода. Ансамбль усадьбы Муромцево стал своего рода их архитектурным слепком. В ее создании участвовали практически «первые лица» тогдашнего архитектурно-паркового искусства: П.С. Бойцов, К. Энке,

Г. Куфельт, А.Ф. Козлов и др. В то же время в планировке и застройке усадьбы сохранились следы ее исторического развития из образцовой дворянской усадьбы начала XIX в. Что касается ее художественного качества, то ее называли «замком Луары в муромских лесах» (илл. 11).

Усадьба Муромцево не является единственной в своем роде. Были аналогичные и даже более масштабные примеры экономической модернизации дворянских усадеб как центров развития своих уездов (усадьбы Н.П. Сабанеева, графов Мусиных-Пушкиных, Ф.А. Некрасова, С.Б. Мещерского, В.Ф. Лугинина, Э.П. Энгельгардта и др.). Но в Муромцево были наиболее полно представлены и развиты все их социально-культурные и экономические элементы: светская, церковная и даже промышленная архитектура, садово-парковое искусство, сельское и лесное хозяйство, промышленное производство и транспорт (к усадьбе была проложена отдельная железнодорожная ветка со станцией «Храповицкая-2»), народное образование (школы), культура (театр, музыка, художественные коллекции) и ряд других (илл. 12, 13, 14).

Эксперимент В.С. Храповицкого удался, усадьба процветала¹¹. Лесопромышленное хозяйство

ИЛЛЮСТРАЦИИ

11. Конный двор, скотный двор и каретник в усадьбе Муромцево. Фото нач. XX в.

12. Музыкальная школа в имени В.С. Храповицкого. Фото нач. XX в.

13. Интерьер театра в усадьбе Муромцево. Фото нач. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Чистый доход за пять лет от лесного хозяйства (с 1892 по 1897 г.) составил около 1 млн руб. В 1902 г. стоимость земель и лесов оценивалась в 3 млн руб. К 1917 г. площадь лесонасаждений во владениях Храповицкого достигла 5336 га.

12

Т.Н. Вятчина, С.Б. Куликов

323

развивалось и приносило огромный доход. Тип организации труда и быта рабочих стал по современным меркам значительным социальным проектом, обеспечившим занятость населения всех ближайших сел и деревень. Вокруг имения были созданы рабочие места и рабочая инфраструктура, включая магазин, школы, дома, ж/д транспорт и пр. Сама усадьба в конце XIX — начале XX в. стала градообразующим предприятием целого

К проблеме современной методологии сохранения...

13

района. Однако несмотря на то, что эксперимент был успешно осуществлен, он остался без продолжения. Усадьба Муромцево осталась усадьбой одного хозяина.

В 1918 г. имение В.С. Храповицкого было национализировано. С этого времени начинается отсчет его «анти-истории» — истории его разрушения и деградации. В результате многие постройки были разобраны или превратились в руины, дом-дворец, внутреннее убранство которого утрачено, находится в аварийном состоянии, парк, водоемы и гидротехнические сооружения сильно запущены, территория застроена многочисленными новыми домами. Это удалось отчасти приостановить только в 1995 г., когда ансамбль усадьбы Муромцево был поставлен на государственную охрану в качестве памятника федерального значения. В 1996–1997 гг. на средства жителей началось восстановление церкви и возобновились богослужения. В 2013 г. центральная часть парка и пять усадебных построек были переданы Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику. С этого момента началась трудная, во многом героическая, борьба за жизнь муромцевского наследия — главным

ИЛЛЮСТРАЦИИ

14. Муромцево. Здание вокзала железнодорожной станции «Храповицкая-2». Открытка нач. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹² Концепции сохранения усадьбы В.С. Храповицкого «Муромцево». Рекомендательный раздел.

образом, силами и энтузиазмом директора музея Светланы Мельниковой и ее сподвижников... Одним из актов этой борьбы стало создание по заказу музея в 2015 г. специалистами ЦНРПМ Концепции восстановления усадьбы.

Характер наследия этой усадьбы можно определить не просто как историко-культурный, но как культурологический и даже историософский. Оно маркирует и являет собой целый исторический путь страны — несостоявшийся, искусственно прерванный. Этот опыт нуждается в осмыслении: как еще неизжитый, как релевантный нашему историческому моменту, несмотря на более чем столетнюю дистанцию и вторжение разного рода трагических обстоятельств, и как чреватый развитием с поправками на сегодняшние реалии. Ряд идей, заложенных тогда в это предприятие, не утратил своей актуальности по сей день, поскольку они были сориентированы, прежде всего, на местные природные ресурсы, на национальную культуру и менталитет, на универсальные, достаточно стабильные потребности местного сообщества. По меньшей мере Муромцево являет исторический прообраз для развития региона.

Все это требует адекватных мер по «реанимации» и приспособлению усадьбы. С методической точки зрения необходим именно комплексный подход, в том числе в буквальном смысле слова, т. е. целостное воссоздание всего комплекса усадьбы и ее анклавов в полноте замысла и реставрационным путем. Как сформулировано в Концепции, «в соответствии с таким общим концептуальным подходом ... необходимо целостное восстановление объекта культурного наследия в максимально возможной полноте составляющих его комплекса на предреволюционный период: территориально и пообъектно, в том числе восстановление паркового ансамбля и гидросистемы, хозяйственных и промышленных построек. Можно также рассматривать перспективные предложения по воссозданию оранжерейно-тепличного хозяйства и комплекса железнодорожной станции «Храповицкая-2». Полуразрушенное состояние усадьбы диктует необходимость прибегнуть к обычно нежелательной реконструктивной деятельности, но в данном случае действуют иные приоритеты. «Плохое и руинированное состояние зданий, огромное количество утрат, неизбежно потребует значительного объема докомпоновок и воссозданий при реставрации памятников. Это вполне обосновано как в русле главной идеи ... относительно данного объекта — демонстрации и “возрождения” усадьбы как историко-культурного явления, так и учитываемая преимущественно единовременное и авторское создание усадебного ансамбля»¹² (илл. 15, 16, 17).

Музейное приспособление в данном случае можно считать наиболее полноценным и перспективным, с учетом того, что музейная концепция должна включать просветительские акценты, соединенные с практиками

того или иного развития заложенных в усадебный комплекс исторических идей. Это вполне реально, учитывая мощный статус самого Владимиро-Суздальского музея-заповедника — именно в плане его собственных социально-организующих возможностей по «ре-цивилизации» и ре-культуризации ставшей достаточно депрессивной местности. Идеи на тему вариантов «живого» наследования уже появляются в музее. В одной из усадебных построек, например, — в Гостевом доме — предполагается создать Центр русской эмиграции. Важно иметь в виду, что сам создатель и хозяин Муромцева умер и похоронен в Висбадене. По словам Светланы Мельниковой, «...сегодня эта усадьба имеет шансы стать тем центром, куда смогут приезжать представители Русского мира, общаться друг с другом, где мы можем проводить ... встречи, ...показывать, как мы храним память о Русском зарубежье не только в Москве, но и в провинции. Мы говорим о том, что сегодня еще есть возможность получить в дар, сохранить иным способом наследие русской эмиграции»¹³. В задачи мероприятий музея входит в том числе показ единства русской культуры независимо от нахождения по разные стороны границы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

15. Музыкальный павильон в усадьбе Муромцево. Фото 2015 г.

16. Дворец. Фото 2015 г.

17. Дворец. Интерьер. Фото 2015 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹³ «Центру “Русского мира” указали место под Судогдой». Интервью с директором Владимиро-Суздальского музея-заповедника С.Е. Мельниковой. 15.02.2020 [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Хранители наследия». URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/initiativy/tsentru-russkogo-mira-ukazali-mesto-pod-sudogдой/> [дата обращения: 25.02.2020].

Подытоживая все рассмотренные выше примеры, можно сделать ряд общеметодических наблюдений.

Главная цель, которую преследует комплексный подход к сохранению архитектурного наследия — это возрождение или продление полноценной жизни памятника и связанных с ним территорий. Это возможно в результате определенного грамотно выверенного комплекса мер и стратегий, основанного на понимании самого феномена

объекта — базовых качеств его наследия, проблем его современного состояния и потенциала его дальнейшей жизнеспособности, в том числе для развития региона. Исходя из этого понимания (плюс оценка реальных экономических возможностей), должны определяться, во-первых, приспособление памятника, во-вторых, методический реставрационный инструментарий по сохранению самой «материи» объекта.

Ядро реставрационного подхода остается неизблемым, особенно в части аксиологических приоритетов. Это, прежде всего, сохранение подлинности исторического объекта, причем происходит определенное расширение этой категории. В нее включаются — по возможности и в зависимости от статуса объекта — ландшафтно-визуальные и функциональные параметры. При этом необходимо четкое осознание неизбежности соблюдения баланса между «старым» и «новым» дабы была возможность продолжения живой исторической жизни сооружения в рамках определяемого приспособления.

Определение адекватного приспособления является одной из центральных задач комплексного метода. И среди всех факторов, влияющих на ее решение, первостепенному учету подлежат свойства данного конкретного наследия и его историческое основание. Теоретически идеален возврат исторической функции. Но практика показывает, что в стремительно меняющемся мире исторические функции, оставаясь живыми и действующими, тоже видоизменяются, обретают новые форматы, требуют обновленных условий и оснащений. Или исчезают вовсе. Поэтому выбор адекватного всему комплексу задач использования памятника — это «уравнение со многими неизвестными». «Уравнение» вполне решаемое, но требующее серьезной и глубокой аналитики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция сохранения культурного наследия Соловецкого архипелага. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Разумовская А.А. (рук. проекта), Разумовский М.Ф., Гончарова В.А., Замжицкая О.М., Кадейшвили Е.А. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2013.
2. Концепция сохранения исторической части г. Выборга. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Замжицкая О.М. (рук. проекта), Борисенко К.А., Сухачев А.С., Вятчина Т.Н. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2014.
3. Концепция сохранения усадьбы В.С. Храповицкого Муромцево. Технико-экономическое обоснование. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Замжицкая О.М. (рук. проекта), Вятчина Т.Н., Сухачев А.С., Постолаки В.А., Калугина И.В. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2015.

4. Концепция сохранения культурного наследия ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. Авторский коллектив: Куликов С.Б. (науч. рук.), Куликов А.С., Антонова Е. и др. На правах рукописи / Архив ФГУП ЦНРПМ. М., 2015.
5. Львов И.В. Воссоздание Нового кафедрального собора г.Выборга. 22.01.2018 [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Некрополь России». Режим доступа: <https://poxoronka.ru/news/1495-vozzozdanie-novogo-kafedralnogo-sobora-g-vyborga> (дата обращения: 19.06.2020).
6. Рахманова Л.Я. Социокультурная идентичность населения Соловецких островов : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2015. На правах рукописи.
7. «Центру "Русского мира" указали место под Судогдой». Интервью с директором Владимиро-Суздальского музея-заповедника С.Е. Мельниковой. 15.02.2020 [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Хранители наследия». Режим доступа: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/initiativ/tsentru-russkogo-mira-ukazali-mesto-pod-sudogдой/> (дата обращения: 25.02.2020).
8. Щенков А.С. Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия. М.: Красанд, 2010.

REFERENCES

1. Kontsepsiia sokhraneniia kul'turnogo naslediia Solovetskogo arhipelaga. Avtorskii kollektiv: Kulikov S.B. (nauch. ruk.), Razumovskaia A.A. (ruk. proekta), Razumovskii M.F., Goncharova V.A., Zamzhitskaia O.M., Kadeishvili E.A. i dr. Na pravakh rukopisi / Arkhiv FGUP TsNRPM. M., 2013.
2. Kontsepsiia sokhraneniia istoricheskoi chasti g. Vyborga. Avtorskii kollektiv: Kulikov S.B. (nauch. ruk.), Zamzhitskaia O.M. (ruk. proekta), Borisenko K.A., Sukhachev A.S., Viatchanina T.N. i dr. Na pravakh rukopisi / Arkhiv FGUP TsNRPM. M., 2014.
3. Kontsepsiia sokhraneniia usad'by V.S. Khrapovitskogo Muromtsevo. Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie. Avtorskii kollektiv: Kulikov S.B. (nauch. ruk.), Zamzhitskaia O.M. (ruk. proekta), Viatchanina T.N., Sukhachev A.S., Postolaki V.A., Kalugina I.V. i dr. Na pravakh rukopisi / Arkhiv FGUP TsNRPM. M., 2015.
4. Kontsepsiia sokhraneniia kul'turnogo naslediia ansambliia Kirillo-Belozerskogo monastyrja. Avtorskii kollektiv: Kulikov S.B. (nauch. ruk.), Kulikov A.S., Antonova E. i dr. Na pravakh rukopisi / Arkhiv FGUP TsNRPM. M., 2015.
5. L'vov I.V. *Vossozdanie Novogo kafedral'nogo sobora g. Vyborga*. 22.01.2018 [Elektronnyi resurs] // Internet-portal "Nekropol' Rossii". Rezhim dostupa: <https://poxoronka.ru/news/1495-vozzozdanie-novogo-kafedralnogo-sobora-g-vyborga> (data obrashcheniia: 19.06.2020).
6. Rakhmanova L. Ia. *Sotsiokul'turnaia identichnost' naseleniia Solovetskikh ostrovov* : dis. ... kand. sotsiol. nauk. SPb., 2015. Na pravakh rukopisi.

7. "Tsentru "Russkogo mira" ukazali mesto pod Sudogdoi". Interv'iu s direktorom Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika S.E. Mel'nikovoi. 15.02.2020 [Elektronnyi resurs] // Internet-portal "Khraniteli nasledia". Rezhim dostupa: <https://khraniteli-nasledia.com/articles/initsiativy/tsentru-russkogo-mira-ukazali-mesto-pod-sudogdoy/> (data obrashcheniia: 25.02.2020).
8. Shchenkov A.S. *Arkhitekturnoe nasledie na rubezhe XX i XXI vekov. Problemy restavratsii i okhrany nasledia*. M.: Krasand, 2010.